

***

...Что ж, события развивались так, что Му Ци больше не мог оставаться в стороне. Хотя ему очень не хотелось задевать чувства древнего гостя, после долгих раздумий он всё же остался после ужина, чтобы поговорить с императором наедине.

Собственно, говорить было особенно не о чем. Юноша заранее продумал множество вариантов начала разговора, но одного взгляда на лицо собеседника было достаточно, чтобы понять — в лицемерных любезностях нет нужды. Умные люди и так всё понимают. Он начал без обиняков:

— Ваше Величество, в последнее время вы, кажется, прочли много книг.

— Лишь поверхностно ознакомился, — ровным тоном ответил император У-ди. — У вас есть какие-то наставления?

— Не смею, — сказал Му Ци. — У Вашего Величества превосходный вкус в выборе литературы.

Эти слова были сказаны абсолютно искренне. Сотрудник №168 прекрасно понимал, что старая госпожа Дэн, скорее всего, порекомендовала лишь первые, общеобразовательные книги. Более сложные и глубокие труды правитель, должно быть, нашёл сам, двигаясь от одной ниточки к другой. А раз так, то по списку прочитанного можно было проследить и эволюцию его мыслей. И, по мнению Му Ци, если господин Лю смог самостоятельно дойти от нескольких популярных брошюр до «Материалистической политической экономии», то его образ мыслей был весьма незауряден...

Говоря прямо, если бы монарх сейчас заказывал что-то вроде «Занимательных историй» или «Великой истории в пересказе», Му Ци и пальцем бы не пошевелил.

Молодой человек вздохнул.

— Ваше Величество ведь изучали математику? Зачем вам эти книги?

При слове «математика» мышцы на лице Лю Чэ едва заметно дёрнулись, но он тут же обрёл прежнее спокойствие.

— Я изучал математику лишь для того, чтобы понять, как работает эта ваша «производительная сила». Но вы сами говорили, что при разной производительной силе логика мироустройства совершенно иная. В свободное время я, разумеется, хочу узнать, как в эту эпоху понимают суть мира...

В разные эпохи люди по-разному смотрели на мир. Это воззрение в философии называется мировоззрением. Во времена правления императора У-ди Дун Чжуншу, которому было поручено создать теорию Великого объединения, разработал мировоззрение, основанное на «взаимном влиянии Неба и человека». После смерти и попадания в Преисподнюю правитель, хоть и был оторван от мира, время от времени узнавал о развитии конфуцианской мысли в последующие эпохи. Но, по его мнению, ни учение о «принципе», согласно которому «всё сущее есть принцип», ни учение о «сердце», утверждавшее, что «сердце есть Дао», при всей своей утонченности, не слишком отличались от теории «взаимного влияния Неба и человека». О мировоззрении же современных людей он почти ничего не знал и, естественно, хотел оценить его по достоинству.

— И что же Ваше Величество выяснили?

— Ничего, — спокойно ответил император. — Я всё ещё размышляю. И, возможно, буду размышлять ещё долго.

Сердце Му Ци ёкнуло. Если бы собеседник начал хвастливо рассуждать о своих «прозрениях» и «открытиях», он бы не беспокоился. Но такая реакция...

— Впрочем, — добавил государь, — я наткнулся на несколько изречений, которые произвели на меня глубокое впечатление. Я до сих пор над ними размышляю.

— ...Что за изречения?

— Первое гласит: «Государство — это аппарат насилия для поддержания порядка», — сказал император. — Второе: «Экономический базис определяет надстройку». Поистине гениально, поистине заставляет задуматься.

Му Ци лишился дара речи.

«Плохо дело. Он докопался до сути!»

Этот разговор не принёс никаких результатов, потому что правитель категорически отрицал, что заказывал эти книги с какой-то определённой целью, утверждая, что просто читал их от нечего делать, из любопытства. Му Ци, разумеется, не поверил ни единому слову, но и поймать монарха за руку он не мог.

Проведя несколько недель за чтением политической экономии, господин Лю прекратил свои щедрые траты, оставив лишь несколько целевых благотворительных проектов. Трудные подростки, собранные Хо Цюйбином, больше не устраивали утренних построений с криками «Братец Хо!». Говорили, что теперь их тренирует Вэй Цин, обучая боевым искусствам. Как бы то ни было, всё это выглядело вполне пристойно.

Такова уж человеческая натура: если бы господин Лю с самого начала вёл себя так смиренно, Му Ци не счёл бы это чем-то из ряда вон выходящим. Но, познав на собственном опыте разрушительный потенциал этой тройцы, он теперь не мог не радоваться нынешнему спокойствию и даже испытывал чувство глубокой благодарности.

«Какой добродетельный государь!»

Неважно, притворялся ли император или нет, его желание жить мирно было великим благом. Му Ци, всё ещё помня о пережитом страхе, не хотел разрушать эту хрупкую иллюзию и в своём отчёте даже похвалил подопечного за «соблюдение правил» и «хорошее поведение», словно перспективы его перевоспитания были самыми радужными.

А раз перспективы были самыми радужными, то Преисподняя, заказчик миссии, была, разумеется, в восторге. В конце октября оттуда пришло специальное сообщение с вопросом, изменилось ли мышление императора У-ди и успешно ли продвигается работа.

Честно говоря, сказать, успешно или нет, было сложно. Но в последнее время император действительно вёл себя образцово: усердно учился, не создавал проблем, был скромнен и сдержан, и в нём не осталось и следа от того амбициозного и полного грандиозных планов человека, каким он был по прибытии. Он теперь даже был готов смотреть новости, а также читать в исторических журналах статьи с критикой в свой адрес!

Такое поведение было настолько хорошим, что даже у Му Ци зародилась слабая надежда. Поэтому однажды вечером после новостей он специально принёс императору тарелку с закусками и, в ходе непринуждённой беседы, осторожно затронул волнующий его вопрос: не соблаговолит ли Его Величество изменить своё решение и принять наконец тот вердикт Преисподней, из-за которого они спорят уже столько лет?

На этот деликатный и сложный вопрос правитель ответил на удивление решительно.

— Разумеется, нет, — сказал он. — О чём ты вообще мечтаешь?

— Что?

Му Ци опешил.

По правде говоря, он и сам не верил, что такой негибемый человек, как император У-ди, изменится под влиянием нескольких месяцев наблюдений — такое бывает только в дешёвых романах, а не в жизни. Но он всё же надеялся, что под мощным воздействием современных производительных сил и огромного потока информации мировоззрение императора пошатнётся, ослабнет. Пусть он и не изменится полностью, но хотя бы проявит некоторую слабость, неуверенность. Ведь и тысячекилометровая дамба рухнет от муравьиной норы. Если бы господин Лю проявил хоть малейший признак слабости, его тщательно продуманный план по завоеванию души не был бы совсем напрасным.

Но что это было?

Он почти не верил своим ушам.

— Почему?

— А при чём здесь «почему»? — император, казалось, нашёл вопрос смешным. — Вердикт Преисподней — это полная чушь. Разумеется, я не могу с ним согласиться.

Монарх спорил с Подземным миром много лет, упорно отказываясь признавать справедливость приговора, и никакие уговоры не действовали. Теперь он снова взялся за старое, и его упрямство поразило Му Ци.

— Неужели, прочитав столько современных политических теорий, Ваше Величество не ощутили ни малейшего влияния?

Вердикт Преисподней, конечно, не был безупречен, но в целом он был справедлив: заслуги и проступки были изложены довольно чётко. Обвинения в адрес императора У-ди — воинственность, чрезмерное применение насилия, истощение государственных ресурсов — были обоснованы даже с точки зрения современных ценностей. Именно поэтому Бюро пространственно-временного администрирования и согласилось сотрудничать с Преисподней и помочь разрешить это старое дело. Иначе, какое им дело до разборок древних феодалов?

— Так в чём же дело? Если император готов впитывать современные политические теории, почему он так равнодушен и даже враждебен к вердикту, основанному на тех же ценностях?

Государь хмыкнул.

— Мне, разумеется, нравятся эти брошюры, — спокойно сказал он. — Они очень интересны и заставляют задуматься. Более того, я в своих действиях всегда придерживаюсь духа, изложенного в этих брошюрах, и никогда не смею его нарушать.

Му Ци: «?!»

Если бы господин Лю сказал, что у него есть свои соображения, с ним, возможно, никто бы и не спорил. Но утверждать, что он «придерживается духа»... тут Му Ци не выдержал. Что значит «не смею нарушать»? Неужели в какой-то политической теории действительно рекомендуется вести захватнические войны?

— Я невежда, — сказал он недружелюбно, — и не понимаю, что Ваше Величество имеет в виду.

— Всё очень просто, — небрежно бросил император. — Я ведь уже говорил тебе. В той книге по

политической экономии есть одна замечательная фраза: «Суть государства — это аппарат насилия». А раз так, то что плохого в том, что я применил немного насилия?

Му Ци промолчал.

Он глубоко вздохнул, не в силах вымолвить ни слова. Всего несколько фраз, и Му Ци всё понял. Император У-ди говорил так не из-за своего невежества и непонимания современного мира. Напротив, за почти полгода наблюдений и чтения он в общих чертах разобрался в логике работы системы и оценил всю тонкость современных теорий. Вот только эти новые учения не изменили его убеждений, а были им поглощены и использованы для укрепления его собственного, уже сложившегося мировоззрения. Шесть канонов поясняют меня, Шесть канонов поясняют меня — сколь бы ни было много древних книг и цитат, все они служат лишь материалом для укрепления собственного «Я»!

В отличие от обычных учёных, правитель изучал знания и теории не для того, чтобы размышлять и анализировать себя. Его воля была настолько тверда, а уверенность в себе настолько сильна, что он давно не нуждался в самоанализе. Все знания, которые он впитывал, служили лишь для поиска более веских и изящных аргументов в пользу его собственных тезисов. Под небесами и на земле есть только я — таков был его принцип.

Осознав это, Му Ци на мгновение растерялся. По правде говоря, все великие политические деятели, способные преодолевать любые трудности и добиваться великих свершений, вероятно, обладали этой почти фанатичной уверенностью в себе. Но для юноши, ставшего своего рода рабочей скотиной, которую долго изнуряло Бюро пространственно-временного администрирования, эта почти деспотичная, единоличная манера правления императора У-ди вызывала смутное чувство дежавю.

...На самом деле, после нескольких важных миссий Му Ци хорошо изучил повадки феодальных монархов. Он прекрасно понимал, что с такими фанатиками, чьё «я» было непоколебимо, спорить было бесполезно, пустая трата времени. Но, как человек, которому поручили задание, он не мог не заступиться за невинную политическую теорию.

— Я не смею комментировать слова Вашего Величества. Но эта фраза ни в коем случае не поощряет применение насилия. Более того, то, что государство является аппаратом насилия, не означает, что у него нет других функций!

Хотя после написания книги её толкование остаётся на усмотрение читателя, трактовка императора У-ди была уж слишком вольной!

Да, исторический материализм действительно рассматривает государство как продукт насилия, но это лишь констатация факта, а не призыв к действию. Экономический базис определяет надстройку, производительные силы определяют производственные отношения. Человечество было вынуждено создавать государства с помощью насилия не потому, что люди злы, а потому, что они слабы. Их сила была слишком мала, а разум слишком немощен, поэтому им приходилось полагаться на насилие, страх и суеверия, чтобы хоть как-то поддерживать

порядок и не дать обществу скатиться в тёмную пучину войны всех против всех. В некотором смысле, насилие было необходимым злом на ранних этапах развития, историческим недостатком, от которого невозможно было избавиться.

Но признание этого «необходимого зла» ни в коем случае не означало его восхваления. На самом деле, исторический материализм изучает историю именно для того, чтобы в кровавых событиях прошлого найти скрытые закономерности, помочь человечеству стать сильнее, разумнее, достаточно здоровым, чтобы освободиться от оков суеверий и страха, и из подчинённой, угнетённой личности превратиться в полностью свободного человека — совершить так называемый «прыжок из царства необходимости в царство свободы». И тогда все прежние аппараты насилия будут упразднены за ненадобностью, и мир вступит в новую эру.

Конечно, эта цель велика и далека, и для её достижения потребуются долгие усилия. Но как бы то ни было, утверждать, что в серьёзной книге можно вычитать «поощрение насилия»... это было уж слишком!

На это возражение Му Ци, в котором уже слышалось недовольство, император по-прежнему не обратил внимания.

— Я знаю, о чём ты говоришь. Но я применял насилие лишь по необходимости, и не злоупотреблял им...

— Не злоупотребляли? — вскинул брови Му Ци. — Довести Поднебесную до нищеты и сократить население вдвое — это не злоупотребление?

— Это, конечно, было упущением, и я глубоко сожалею об этом, — сказал император. — Но в этом деле было много труднообъяснимых сложностей, и в основе моих действий никогда не лежало желание мучить народ ради собственной потехи.

Такое спокойное объяснение, вероятно, уже было своего рода оправданием. Увы, для Му Ци это всё ещё походило скорее на манипуляцию, чем на раскаяние. Небрежное упоминание вскользь не могло его удовлетворить.

— Я верю словам Вашего Величества, — смягчил он тон. — Ваше Величество действительно не мучили народ ради собственной потехи. Ведь всем известно, что Сын Неба всегда любил народ, как собственных детей, не делая между ними различий...

При этих словах лицо императора мгновенно позеленело!